

Леонид Михайлович Свердлов

Николай Петрович Резанов (1764–1807)

Художественный образ и историческая личность

*Неизвестный художник. Портрет Николая Петровича Резанова.
Холст, масло. Начало XIX века*

Произведения искусства обладают магической силой и практически всегда выигрывают в сравнении с сухими историческими исследованиями, поскольку легче воспринимаются и лучше запоминаются. Зачастую они кажутся правдивыми, особенно когда их героями являются известные в прошлом персонажи.

Вот и Николая Петровича Резанова больше знают у нас по рок-опере «Юнона» и «Авось». А ведь эта прекрасная легенда о любви на музыку А. Рыбникова и стихи А. Вознесенского к камергеру Резанову имеет весьма отдаленное отношение, хотя и построена на реальном факте его пребывания в 1806 году в Калифорнии

и помолвки с донной Марией де ла Консепсьон де Аргуэльо (Кончитой).

Конечно, театральный спектакль нельзя рассматривать с позиции исторической правды, у него своя правда — правда любви. И тем не менее... Резанов не был графом. Графом его сделал Ф. Брет Гарт, которому, как считал академик Н. Н. Болховитинов, оказалось проще в поэме «Консепсьон Аргуэльо» (1856) рифмовать слово «count» (граф), чем «chamberlain» (камергер). В дальнейшем именовать Резанова графом в художественной литературе стало традицией. «Юнона» ходила в Калифорнию одна, тендер «Авось» тогда еще не построили. Ходила из Ново-Архангельска на Аляске, а не из Санкт-Петербурга. Любовь Резанова и Кончиты была платонической: жених мог позволить себе лишь «целование ручек» невесты, большая вольность стоила бы ему жизни. Кончита не ждала суженого тридцать пять лет. О том, что Резанова нет в живых, она узнала через полтора года после его смерти, но так и не вышла замуж и по достижении шестидесятилетнего возраста удалилась в монастырь.

О Н. П. Резанове издано довольно много научно-популярных и литературных произведений. Приводимые там сведения далеко не всегда основаны на архивных документах и свидетельствах современников, а зачастую даже противоречат им.

К таким сведениям можно отнести принадлежность Резанова к древнему дворянскому роду, «истоки которого восходили к мрачным дням Рюрика; по происхождению Резановы были даже старше Романовых, а широкие скулы Резанова выдавали в нем древнее викинго-новгородское происхождение».

Бытуют утверждения, что Резанов был гвардейским поручиком или капитаном и приглянулся Екатерине II, когда руководил охраной и даже командовал личным эскортом императрицы во время ее возвращения из Крымского вояжа в 1787 году; или что во время службы Резанова у Г. Р. Державина Екатерина просила докладывать ей не Державина, а Резанова «благодаря умению ясно и толково сделать доклад на любую тему». Как следствие — ревность со стороны П. А. Зубова и отправка Николая Петровича подальше от глаз императрицы, в Иркутск.

Не только писатели, но, к сожалению, и некоторые историки абсолютно необоснованно считали, что Резанова послали в Иркутск с инспекцией Северо-Восточной компании Г. И. Шелихова (будущей Российско-Американской компании). В свя-

зи с этим можно привести еще две легенды. Согласно первой из них, изложенной в энциклопедии Брокгауза и Ефрона и повторенной в Русском биографическом словаре, Резанов «был послан в Восточную Сибирь для заведения морского дела и упорядочения судостроения». Вторая рассказывает о его поездке в Охотск вместе с Г. И. Шелиховым, во время которой Резанов сначала конвоировал ссыльных, а потом этому самому морскому делу учился у Шелихова.

Литераторы, дабы повысить «уровень» своего героя, нередко писали о дружбе (на самом деле вымышленной) Резанова с Александром I: будто император присутствовал на похоронах его жены Анны, чукчи и коряки в Петропавловске шептались о том, что «сам царь называл Резанова своей правой рукой», и тому подобное.

А сколько придумано историй, связанных с Первой русской кругосветной экспедицией! Например, что Резанову была поручена разработка маршрута предстоящего плавания, которой «он занимался в кабинете Александра, не скрывая своего удовольствия от работы». Или что, получив назначение в экспедицию, Резанов «не мог прийти в себя от радости, лицо его сияло»; «слушая напутствия Александра, он был искренне рад забыть в предстоящем путешествии». Перед отплытием государь якобы прибыл на кронштадтский рейд не один, как происходило на самом деле, а в сопровождении адмирала Чичагова, графа Румянцева и, конечно, Резанова. Там «Александр пожелал успеха Резанову в возглавляемой им экспедиции, а митрополит Евгений <...> отслужил молебен». Вызывает недоумение и описание обеда, данного столицей отплывающей экспедиции: «За столом Резанов сидел по правую руку от Александра, а Крузенштерн и Лисянский где-то на задворках. <...> Александр вознес Резанова выше всех присутствующих, подняв за Резанова тост как за российского Колумба». Описываемого обеда попросту не было.

В многочисленных публикациях Резанова называют начальником кругосветной экспедиции, каковым считал себя сам Николай Петрович, но при детальном анализе документов данный факт не подтверждается, в должность Резанов не вступил. Не являлся он и фактическим руководителем плавания — эту обязанность исполнял Крузенштерн.

Красочный рассказ о посещении Резановым Гавайских островов в качестве начальника экспедиции и встрече с королем Камеамеа, который якобы обратился к гостю

КАК ЭТО БЫЛО

как к «великому русскому и королю северных островов», а также то, что Резанов застал в Ново-Архангельске «Неву» и имел общение с Лисянским, — тоже всего лишь художественный вымысел. На гавайский берег Резанов не сходил, а с Лисянским на Аляске разминулся.

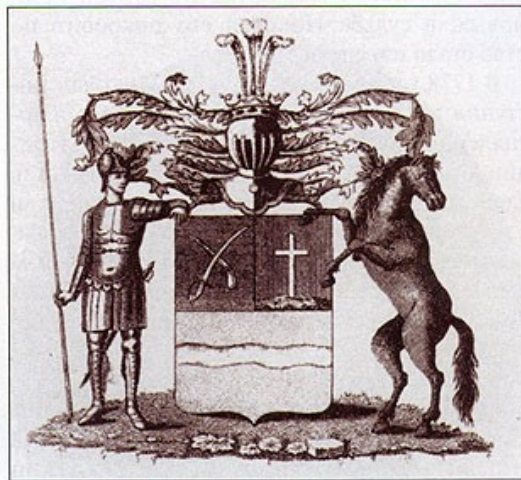
Часто Резанова называют также командором — и совершенно безосновательно. «Капитан-командор» тогда было званием адмиральского ранга. Резанов на флоте не служил и военно-морских званий не имел. Путаница, вероятно, объясняется награждением Резанова в 1801 году Командорским крестом Мальтийского ордена (см. ниже).

Благодаря перечисленным литературным вымыслам (а можно привести еще множество подобных измышлений, не имеющих ничего общего с реальными событиями), ныне широко распропагандированный образ Н. П. Резанова во многом построен на мифах. Что же можно рассказать о нем, опираясь на источники?

Николай Петрович Резанов родился в Санкт-Петербурге в семье потомственного дворянина Петра Гавриловича Резанова и Александры Гавриловны Резановой (урожденной Окуневой). Предок Резановых Мурат Дмитриевич был записан сыном боярским с поместьем окладом в дворянский список 1556 года¹. Видимо, он происходил из татар. Такими же нетитулованными дворянами-помещиками являлись и Окуневы, получившие дворянство в 1545 году².

У Николая Петровича были знаменитые деды: Гавриил Андреевич Резанов, генерал-поручик, герой Семилетней войны, занимавший должности начальника Ладож-

Герб Резановых

ского канала, обер-коменданта Кенигсберга, Главного начальника при Балтийском порте (ныне Балтиски, Эстония), и Гавриил Афанасьевич Окунев (1699–1781) — известный кораблестроитель, генерал-майор по Адмиралтейству. Об отце Н. П. Резанова определенно можно сказать только то, что он служил председателем гражданской палаты губернского суда в Иркутске. Когда и по какой причине Петр Гаврилович туда попал — неизвестно. Имеются сведения, что с 1767 по 1793 год он находился под следствием за растрату без права выезда из Иркутска; в 1793-м был полностью оправдан. Как сложилась его дальнейшая жизнь, мы тоже не знаем.

Николай получил хорошее домашнее образование, владел, как считается, несколькими иностранными языками. Известно его письмо Г. Р. Державину, написанное

Санкт-Петербург в XVIII веке. Гравюра Г. Качалова. 1753 год

КАК ЭТО БЫЛО

в одиннадцать лет на немецком языке. Гавриила Романович был дружен с семьей Резановых; в судьбе Николая его покровительство стало определяющим.

В 1778 году в возрасте 14 лет Николай поступил на воинскую службу — сначала в артиллерию, а через год перешел в лейб-гвардии Измайловский полк, в который был, как следует из вышеупомянутого письма, записан с детства. Дослужился только до сержанта и, понимая, что карьера не складывается, вышел в 1784 году в отставку, будучи пожалован при этом «из сержантов к статским делам капитаном»³. Больше по военной части Резанов никогда не служил.

Его отец, о чем уже говорилось, был в Иркутске, а мать проживала в Пскове, куда Николай и отправился. 8 марта 1784 года он поступил в Псковскую палату гражданского суда коллежским асессором. 5 декабря 1788-го перевелся в Санкт-Петербургскую казенную палату⁴. Через два года Николай становится секретарем вице-президента Адмиралтейств-коллегии графа И. Г. Чернышева, а затем — экзекутором (правителем канцелярии) коллегии. Несомненно, получить это место он смог благодаря заслугам деда, Г. А. Окунева.

13 декабря 1791 года Г. Р. Державин назначается статс-секретарем Екатерины II по сенатским мемориям. В его обязанности входило получение прошений на высочайшее имя и доклады по ним императрице. Именно

в это время Державин берет к себе на работу в качестве правителя канцелярии Н. П. Резанова. Доклады государыне были почетнейшей обязанностью Гаврилы Романовича и посылать вместо себя Резанова, о чем пишут литераторы, он никак не мог. Да и слушать державинского помощника Екатерина не стала бы, поскольку при докладах обсуждались различные правовые, политические и коммерческие вопросы, и ей требовался опытный знающий советчик.

В сентябре 1793 года неуступчивый по характеру Державин от близкого общения с царицей был отстранен, хотя и с повышением — назначен сенатором по Межевому департаменту. Тогда же его пожаловали орденом Святого Владимира II степени, а 1 января 1794 года одновременно назначили и президентом Коммерц-коллегии, в ведении которой находилась вся внутренняя и внешняя торговля страны.

Г. Р. Державин входил в одну придворную группировку с Платоном Алексеевичем Зубовым, поэтому Н. П. Резанов перешел на службу к Зубову секретарем и по поручению тогдашнего фаворита императрицы в марте 1794 года отправился в Иркутск. Как мы помним, там проживал отец Резанова, с которым тот давно не виделся, поэтому не исключая, что Николай Петрович сам вызвался ехать. О цели поездки он писал следующее: по прошению Г. И. Шелихова и его компаньона И. И. Голикова в колонию на Аляске

Иркутск. Вид с Тихвинской колокольни на Тихвинскую площадь. Фотография А. К. Гофмана. 1865 год

КАК ЭТО БЫЛО

направлялась духовная миссия, которую Резанову предстояло сопровождать до Иркутска. Помимо этого он должен был доставить повеления императрицы Иркутскому губернатору и по возвращении доложить об их исполнении. Никаких других задач перед ним не ставилось⁵.

В Иркутске Резанов познакомился и 15 января 1795 года женился на дочери Г. И. Шелихова Анне. Эта свадьба была выгодна обеим сторонам. Шелихов получал в семью человека, близкого к фавориту царицы П. А. Зубову и президенту Коммерц-коллегии Г. Р. Державину, а Резанов смог значительно поправить свое материальное положение.

Через полгода после свадьбы дочери (20 июля) Григорий Иванович Шелихов скончался, и Северо-Восточную компанию практически возглавила его вдова Наталья Алексеевна, еще в правление Екатерины II с помощью связей Резанова пытавшаяся обеспечить компании определенные права и привилегии, главной из которых была монополия на промыслы и торговлю на Аляске. Ранее, в 1788 году, об этом просил императрицу Шелихов, но Екатерина отказала, так как являлась противницей всякой монополии.

С вступлением на престол Павла I (1796) при дворе произошли большие подвижки. Во многом сменилась екатерининская администрация. Появилась надежда провести в жизнь связанные с компанией Г. И. Ше-

*Григорий Иванович Шелихов.
Гравюра В. Иванова. 1795 год*

лихова проекты при покойной императрице лежавшие «под сукном».

В 1797 году Н. П. Резанов перешел от Зубова на работу в Сенат секретарем. В том же году он, уже в должности обер-секретаря, составил «Указ о цехах» и учредил раскладку поземельного сбора в Петербурге и Москве (работа проходила по Межевому департаменту

http://www.38i.ru/index.php?option=com_content&task=blogsection&id=26&Itemid=140

КАК ЭТО БЫЛО

Г. Р. Державина), за что удостоился ордена Святой Анны II степени и ежегодной пенсии в размере двух тысяч рублей.

Планы клана Шелиховых близились к реализации, но на пути проекта о привилегиях для компании оказался новый генерал-прокурор Сената князь Петр Васильевич Лопухин, отец фаворитки Павла, назначенный в 1798 году. Лопухин всячески затягивал подписание царского указа, хотя и принимал участие в подготовке необходимых документов⁶. Полагаю, причиной этого была неприязнь Лопухина к Зубову и Державину — главным ходатаям у престола за дело Шелихова. Резанову снова приходилось искать, кто мог бы в обход Лопухина просить царя о поддержке компании.

Случай представился, когда в начале ноября 1798 года Павел I принял решение об учреждении в России отделения Мальтийского ордена, а 29 ноября принял титул Великого магистра. Знак ордена был включен в государственный герб и государственную печать Российской империи. По поводу этого Г. Р. Державин поднес Павлу оду своего сочинения; в ответ царь пожаловал его бриллиантовой табакеркой.

При Павле I Гаврила Романович сначала был назначен правителем канцелярии Совета при Высочайшем дворе, но неуступчивый характер и неумение себя сдерживать привели к очередной отставке. Правда, звание сенатора ему сохранили. Павел, видимо, любил Державина за честность и открытость, поэтому прощал ему многие дерзости. Отставка оказалась недолгой. Вскоре Державин получил чин действительного тайного советника, вновь возглавил Коммерц-коллегию, а также стал государственным казначеем и членом Совета.

Связи Державина позволили Резанову оказаться в кругах, довольно близких к военному губернатору Петербурга графу Петру Алексеевичу Палену и генералу от инфантерии Александру Андреевичу Беклешову. 4 июля 1799 года в Петергофе состоялось собрание Совета, рекомендовавшего Павлу I «апробировать» образование Российско-Американской компании (РАК)⁷. 7 июля Павел отстранил П. В. Лопухина от должности генерал-прокурора и назначил вместо него А. А. Беклешова. Уже на следующий день Беклешов подписал у государя рескрипт о создании компании, «состоящей под высочайшим покровительством»⁸.

Покровительство это во многом определило судьбу РАК. Ей были предоставлены монопольные привилегии на Аляске на промыслы

*Александр Андреевич Беклешов.
Гравюра А. Осипова по рисунку Ф. Кюнеля*

и торговлю сроком на двадцать лет⁹. Она не могла обанкротиться. Защиту ее интересов (в том числе и военную) на международной арене брало на себя государство. Поэтому обычной на первый взгляд торгово-промышленной компании, каких в Сибири действовало несколько, удалось оставить столь заметный след в истории — и не только российской. Главная заслуга РАК заключалась в том, что она смогла взять на себя функцию колониальной администрации на огромной территории североамериканского континента. «Если бы в колониях было установлено коронное управление, то любой конфликт мог легко превратиться в вооруженное столкновение с иностранными державами. Иначе обстояло дело, если бы те же задачи осуществляла коммерческая компания. Возможность дипломатических осложнений при этом была значительно меньше: правительство всегда могло остаться в стороне и объяснить то или иное столкновение деятельностью купцов, действовавших за собственный риск и страх»¹⁰.

Подготовкой окончательного проекта царского указа занималась Коммерц-коллегия во главе с Г. Р. Державиным и при самом непосредственном участии Н. П. Резанова. Правка многих документов была сделана именно резановской рукой¹¹. То, что РАК со всеми привилегиями была образована на базе компании Г. И. Шелихова, явилось безусловным достижением Николая Петровича, увенчавшим его многолетние усилия.

КАК ЭТО БЫЛО

Нельзя не отметить политической прозорливости Резанова: при разработке учредительных документов РАК, помимо торговли и промыслов, он смог включить туда широкие задачи освоения земель на севере Америки, создания долговременных населенных пунктов, приобщения коренных жителей к православию и европейской культуре. И хотя многое из того, что вошло в указ, было предназначено еще Шелиховым, а победу Резанов добыл в придворно-бюрократической баталии с помощью Державина, его заслуга перед Российско-Американской компанией неоспорима. И еще: необходимым условием для работы такой компании был завоз на Аляску большого количества грузов, что, в свою очередь, способствовало развитию мореплавания и морской науки, выходу отечественного флота в мировой океан.

При А. А. Беклешове началось стремительное продвижение Николая Петровича по служебной лестнице. Он стал обер-прокурором 1-го департамента Сената и получил чин действительного статского советника, то есть вышел в генералы по табели о рангах. О том, что его карьерному росту помогал Беклешов, можно понять из предсмертного письма Резанова М. М. Булдакову (конец января 1807 года), где он называет Александра Андреевича, наряду с Г. Р. Державиным, своим благодетелем¹². Это же подтверждает и Державин в своих «Записках», характеризующий Резанова как любимца Беклешова.

На первом заседании Главного правления Российско-Американской компании 16 сентября 1799 года Н. П. Резанова представили императору, который утвердил его в качестве уполномоченного корреспондента по делам компании при дворе. В 1800 году усилиями Николая Петровича Главное правление РАК было переведено из Иркутска в Петербург, что открыло для компании новые возможности.

В начале 1801 года за разработку Банкротского устава Павел I пожаловал Г. Р. Державина Почетным Командорским крестом Мальтийского ордена с бриллиантами. Видимо, вместе с ним Командорским крестом (вторая степень ордена) был награжден и Н. П. Резанов: Банкротский устав утвержден 19 декабря 1800 года, а фамилия Резанова появилась в списке кавалеров за 1801 год¹³. Отметим, что награжденные Командорским крестом могли именоваться «командор» только в пределах рамок ордена.

11 марта 1801 года заговорщики убили императора Павла I. На престол вступил Александр I. Практически все участники заговора

Флаг
Российско-Американской компании

Командорский крест ордена святого
Иоанна Иерусалимского 2-й степени

КАК ЭТО БЫЛО

*В. Л. Боровиковский. Портрет Г. Р. Державина.
Холст, масло. 1811 год*

попали в опалу, его руководители П. А. Зубов и П. А. Пален были удалены из Петербурга. А. А. Беклешов 16 марта вновь стал генерал-прокурором. При нем Н. П. Резанов успешно работал в Сенате до сентября 1802 года. Ничто не предвещало беды...

Еще будучи наследником престола, Александр из друзей юности организовал под своим председательством совещательный орган — так называемый Негласный комитет, членами которого стали Николай Николаевич Новосильцев, князь Адам Адамович Чарторыйский, граф Павел Александрович Строганов и граф Виктор Павлович Кочубей. Заняв престол, Александр многие вопросы государственного регулирования передал на рассмотрение этого комитета, в недрах которого возникли идеи об учреждении министерств и Государственного совета, а также о преобразовании Сената. Из вельмож екатерининского времени молодые реформаторы принимали только графа А. Р. Воронцова. Державин называл членов Негласного комитета «якобинской шайкой», утверждая, что «все окружающие государя были набиты конституционным французским и польским духом». «Атаманом шайки» Гаврила Романович считал престарелого Воронцова¹⁴.

8 сентября 1802 года указом Александра I Правительствующий сенат был реорганизован. Одновременно вышел манифест об учреждении министерств, которые стали

играть главную роль в управлении государством. Резанов остался не у дел. Правда, сначала была надежда, что он окажется в Министерстве юстиции у Державина. Но тот в министрах пробыл недолго. Тут еще 18 октября скончалась любимая жена Аннушка, оставив Николаю Петровичу годовалого сына Петра и только что родившуюся дочь Ольгу. Резанов был подавлен, и, вероятнее всего, ушел бы в отставку, если бы не кругосветная экспедиция, в подготовке которой он принимал самое активное участие.

Еще в начале 1802 года Адмиралтейств-коллегия приняла план кругосветной экспедиции, разработанный капитан-лейтенантом И. Ф. Крузенштерном. Президент коллегии адмирал Н. С. Мордвинов представил этот план Н. П. Румянцеву, возглавлявшему Департамент водных коммуникаций. Румянцев план тоже одобрил и заинтересовал им Российско-Американскую компанию. 13 июля первенствующий директор Главного правления компании М. М. Булдаков дал согласие на организацию и финансирование экспедиции. Вне сомнений, без Резанова такое решение принято быть не могло.

Вскоре Александр I утвердил проект экспедиции, а 7 августа 1802 года И. Ф. Крузенштерн был официально назначен ее начальником. По предложению РАК отплытие запланировали на июль 1803 года, о чем Крузенштерну 2 сентября 1802 года сообщил Резанов. Так их свела судьба.

На средства Российско-Американской компании другой участник экспедиции, капитан-лейтенант Ю. Ф. Лисянский приобрел в Англии два корабля для кругосветного плавания. 26 мая 1803 года корабли прибыли в Кронштадт, где получили названия «Надежда» и «Нева».

Министр коммерции граф Н. П. Румянцев предложил Александру I в составе экспедиции направить «некоторое к японскому двору посольство» для установления торговых отношений. То, что данная инициатива исходила от Румянцева, а не от министерства иностранных дел, говорит о преимущественно торговом, отнюдь не дипломатическом характере посольства. В докладной записке государю от 20 февраля 1803 года граф предлагает поручить главе посольства также инспекцию русских владений в Америке и проведение на обратном пути торговых операций в Кантоне и Маниле¹⁵.

Складывается впечатление, что уже в этой записке в качестве посланника подразумевается Н. П. Резанов — действительный статский советник, один из совладельцев

КАК ЭТО БЫЛО

РАК. Назначение чиновника столь высокого ранга поставило вопрос и о руководителе экспедиции. В начале апреля Резанов писал И. И. Дмитриеву, что, потеряв жену, хотел оставить службу, но император этому воспротивился. «Государь вошел милостиво в положение мое, сперва посоветовал мне рассеяться, наконец, предложил мне путешествие, потом, доведя меня постепенно к согласию, объявил мне волю, чтоб принял я на себя посольство в Японию. <...> Два корабля купеческих, купленных в Лондоне, отдаются в мое начальство»¹⁶. Тогда же Резанов получил чин действительного камергера, а несколько позже — генеральский орден Святой Анны I степени.

Из письма видно, что Н. П. Резанов совершенно не ждал и не желал этого назначения, всячески ему противился, надеялся остаться при дворе, но пойти против монаршей воли не посмел.

Вскоре (29 мая) И. Ф. Крузенштерн как начальник получил официальную инструкцию Главного правления РАК о целях и задачах кругосветной экспедиции. Преамбула инструкции гласила: «Главное правление препоручает вам принять в ваше начальство два компанейские корабля, именуемые «Надежда» и «Нева», собственно вашему управлению предоставив корабль «Надеж-

ду», а г-ну Лисянскому препоручив корабль «Неву», снабженные всем приличным вооружением. <...> Сверх того благоволите принять на предоставляемой особенно вам корабль «Надежду» назначаемую Его И. В-вом к японскому двору посольскую миссию с ее чиновниками, скарбом и всем прочим, что до нее по высочайшему соизволению в особенности принадлежать будет»¹⁷.

15 июня стоящие в Кронштадте экспедиционные корабли посетил император, прибывший из Ораниенбаума на шлюпке без свиты. Состоянием «Надежды» и «Невы», а также подготовкой экипажей он остался доволен¹⁸.

О Резанове как главном руководителе экспедиции и подчинении ему офицеров речи не было. Однако 10 июля Александр I утверждает довольно противоречивую инструкцию Румянцева Резанову в связи с плаванием последнего в Русскую Америку¹⁹. В первом пункте инструкции говорится о подчинении судов и офицеров Резанову, а во втором — что право командования судами дано Крузенштерну. Но командование кораблями без подчинения офицеров невозможно. Указанное противоречие привело к серьезному конфликту между Крузенштерном и Резановым. До Крузенштерна инструкцию не довели, он о ней ничего не знал и поэтому считал себя начальником

Аляска. Фотография А. В. Гринева. 2010 год

КАК ЭТО БЫЛО

*Иван Федорович Крузенштерн.
Литография 1820-х годов*

*Павел Васильевич
Чичагов*

экспедиции, а Резанова — почетным пассажиром, следующим в Японию и на Аляску со специальными полномочиями. К тому же экспедиции был пожалован Андреевский флаг, что давало основание Крузенштерну рассматривать плавание как поход военных кораблей. Гражданское лицо, даже столь высокого ранга, как Резанов, военного флага по Морскому уставу иметь не могло.

Перед отплытием на «Надежду» по поручению царя прибыли министр коммерции Н. П. Румянцев и товарищ министра морских сил П. В. Чичагов — непосредственное начальство И. Ф. Крузенштерна. Им следовало официально представить Резанова в качестве главы экспедиции, но они не сделали этого. Впоследствии выяснилось: румянцевская инструкция не была доведена и до Чичагова. Не представился, что полагалось по уставу, и сам Резанов. Он трижды по-разному излагает, как знакомил Крузенштерна с инструкцией. В письме царю из Бразилии от 25 декабря 1803 года: «Вступя на Кронштадтский рейд, объявил я ему тотчас о высочайше порученном мне начальстве над экспедицией <...> и прочел ему инструкцию, Вашим И. Величеством мне пожалованную»²⁰. Позже, уже находясь в Петропавловске, Резанов заявил: на Кронштадтском рейде он не зачитал, а передал инструкцию Крузенштерну (из письма правителю Камчатской области генерал-майору П. И. Кошелеву в начале

августа 1804 года), на что Крузенштерн ответил Кошелеву, что он этой инструкции не видел²¹. По возвращении из Японии Резанов 9 июня 1805 года пишет царю совсем иное: «Приметя вражду и несогласие, не снимаясь еще с якоря, объявил я Крузенштерну Вашу инструкцию. Не было мне нужды читать ее торжественно, ибо весь свет об ней известен был, и я, сохраняя чинопочинание, хотел показать им не кичливость, а истинный предмет моего подвига». В тот же день Резанов писал и Румянцеву: «Вот следствия неуважительных при отправлении экспедиции моих представлений», — иными словами, он сетовал, что Румянцев не представил его Крузенштерну по уставу в качестве начальника²².

Думаю, все это было не случайно: государь с самого начала не рассматривал Резанова как начальника экспедиции, поэтому и Чичагову на сей счет ничего не сообщил. Румянцев не представил Резанова, проигнорировав требования Морского устава, и тем самым практически дезавуировал пункт инструкции о подчинении Резанову Крузенштерна и других офицеров. Маловероятно, чтобы граф осмелился поступить так по собственному усмотрению. Следовательно, о своей «подчиненности» Резанову офицеры не ведали и считали своим командиром Крузенштерна, а Резанова — лишь почетным пассажиром. Да и разве могли они подумать, что командовать кругосветной экспедицией

КАК ЭТО БЫЛО

*Юрий Федорович Лисянский.
Гравюра А. Ухтомского. 1812 год*

*Николай Петрович Румянцев.
Гравюра Л. Хориса с картины О. Кипренского.
Около 1821 года*

будет человек, никогда не видавший моря!

Ю. Ф. Лисянский, узнав об официальном объявлении начальства Н. П. Резанова только на острове Нуку-Хива в Тихом океане, выразил недоумение: «Ежели бы была воля Императора, чтоб мне находиться в команде у господина Резанова, то она должна бы быть объявлена с самого вступления Его Превосходительства на корабли, а не в Маркизских островах»²³.

Лейтенант Е. Е. Левенштерн писал П. В. Чичагову из Петропавловска 1 августа 1804 года, что, покидая Кронштадт, он единственным своим начальником считал Крузенштерна, и что, согласно указу царя, он и другие офицеры отправились в это плавание добровольно под руководством именно Крузенштерна. Когда в Петропавловске Резанов попытался того снять, большая часть офицеров выразила намерение покинуть экспедицию и отправиться в Петербург сухим путем²⁴.

Почему же Резанова не представили экипажу по всей форме? И Румянцев, и Александр I, да и сам он прекрасно понимали, что это вызвало бы отрицательную реакцию со стороны офицеров и даже их отказ от участия в экспедиции. Офицеры могли так поступить, поскольку шли в плавание добровольно на определенных контрактных условиях с РАК: ничто не мешало им разорвать контракты и вернуться на службу в во-

енный флот. Даже подавать в отставку никому, кроме, пожалуй, Крузенштерна, не было необходимости. Вот и получилось, что экспедиция отправлялась в путь с «неопределенным» главным начальником. Резанов считал таковым себя, опираясь на подписанную государем инструкцию, свой высокий чин и поддержку директоров РАК в Петербурге, а не ведавший о полномочиях Резанова Крузенштерн был уверен, что экспедицией командует он.

Впервые о своих притязаниях на руководство Резанов заявил на Канарских островах. Повод был пустяковый: Крузенштерн не рассчитал времени стоянки кораблей в Санта-Круссе, из-за чего Резанов не смог подняться на Тенерифский пик, вознегодовал и решил наконец показать, «кто в доме хозяин». Пожалуй, это была самая большая ошибка Николая Петровича; все последующие неприятности стали ее следствием. Он посеял ветер, а, как известно, кто сеет ветер, пожинает бурю. Крузенштерн начальства предъявившего ему инструкцию Резанова не признал. Разразился конфликт, едва не повлекший за собой срыв экспедиции. Офицеры поддержали Крузенштерна и начали выражать Резанову подчеркнутое неуважение, переходящее в откровенное хамство. Резанов не понял слабости своей позиции и вместо того, чтобы сгладить конфликт, завалил Александра I жалобами. Жаловался на

КАК ЭТО БЫЛО

Маршрут кораблей «Надежда» и «Нева» в 1803 – 1806 годах на карте Лисянского. Лондон, 1814 год

все, даже на то, что подчиненный ему граф Толстой при нем в каюте надевает шляпу и садится с ним обедать без мундира, в одной рубашке²⁵. Александру эти жалобы только докучали. Резанов лишился расположения императора, который, по-видимому, окончательно решил для себя в возникшем конфликте принять сторону Крузенштерна.

От Teneriffe до Бразилии плыли почти два месяца. За это время у Резанова созрела идея отдать «Надежду» в распоряжение Главного правителя российских колоний в Америке А. А. Баранова. Правлению РАК идея понравилась, и оно просило Румянцева «исходатайствовать Высочайшего благоизволения у Его Императорского Величества», но Александр отказал²⁶. Однако эта идея крайне не понравилась Крузенштерну и офицерам, когда о ней стало известно. Они шли в кругосветную экспедицию, а не перегоняли

«Надежду» на Камчатку для обслуживания РАК. В случае списания офицеров (оставить Резанов решил только П. Т. Головачева и Ф. И. Каменщикова) их ждало бесславное возвращение домой через Сибирь, а матросам, добровольно последовавшим за Крузенштерном, пришлось бы и того хуже.

В Бразилии препирательства между Резановым и офицерами продолжились. Николай Петрович мог руководить экспедицией только руками Крузенштерна, поэтому пытался его сломить, а не отстранить. Крузенштерн был ему необходим, но лишь в качестве подчиненного.

23 января 1804 года корабли покинули Бразилию и, обогнув мыс Горн, направились к Маркизским островам, куда прибыли 25 апреля. На острове Нукагива (Нуку-Хива) разразился новый скандал. Учитывая тяжелое положение с продовольствием, Крузенштерн издал приказ, запрещающий находящимся на корабле покупку или выменивание всяких местных поделок и природных редкостей до того момента, когда экипаж не будет обеспечен всем необходимым для плавания. Резанов же по программе работ Академии наук должен был «искать редкости» для Кунсткамеры. Он высказал Крузенштерну вполне законное неудовольствие, но сделал это в оскорбительной форме и опять напомнил о своем главенстве. В ответ офицеры потребовали от Резанова официального предъявления своих полномочий, причем требование также сопровождалось оскорблениями, в которых особенно усердствовали М. И. Ратма-

Корабль «Надежда».

Рисунок лейтенанта Розенберга. Начало XIX века

КАК ЭТО БЫЛО

нов и прибывший с «Невы» Ю. Ф. Лисянский. В конце концов офицеры признали подпись Александра I и были вынуждены подчиниться, но при опросе все, кроме Головачева и Каменщикова, сказали, что, зная они, что их подчинят Резанову, в экспедицию бы не пошли. Такое заявление Резанов расценил как бунт.

Здесь надо отметить следующее: офицеры, наблюдавшие за Резановым с начала путешествия, успели составить о нем довольно невысокое мнение. Дневник Е. Е. Левенштерна, к примеру, за период с августа 1803 по май 1804 года буквально пестрит свидетельствами о моральной распушенности, грубости, скарденности, тщеславии, коварстве, фальшивости, чванстве, трусливости, хвастливости, лживости, двурушничестве, вероломстве, склонности к интригам и других подобных качествах камергера²⁷.

Происшедшее сильно подорвало здоровье Резанова, он слег и не покидал каюты до прибытия на Камчатку.

Во время плавания по Тихому океану «Надежда» получила повреждение, возникла необходимость в серьезном ремонте, который можно было выполнить только в Петропавловске. Посольство в Японию пришлось отложить.

По прибытии в Петропавловск Н. П. Резанов сразу же начал проявлять активность. Он обратился к П. И. Кошелеву с требованием суда над «взбунтовавшимся» Крузенштерном. Суда Николай Петрович, однако, не добился. Кошелев оказался человеком осмотрительным, деликатным и опытным. Его служебное расследование привело стороны к примирению. В исторической литературе существуют две взаимоисключающие версии этого расследования.

Согласно первой, описанной Ал. Сгибным по материалам Резанова, Крузенштерн признал свою вину и уговорил Кошелева принять на себя посредничество в примирении. Резанов согласился забыть прошлое, но с тем непременным условием, чтобы Крузенштерн и остальные офицеры, оскорбившие камергера и посланника, извинились перед ним. Крузенштерн принял это предложение. 8 августа 1804 года командир «Надежды» и все офицеры в полной форме явились на квартиру Резанова с извинениями²⁸.

Что касается посещения квартиры Резанова офицерами, уточним. Из столицы пришло сообщение о присвоении М. И. Ратманову звания капитан-лейтенанта. Воспользовавшись столь удобным предлогом, мудрый Кошелев попросил Резанова как начальника

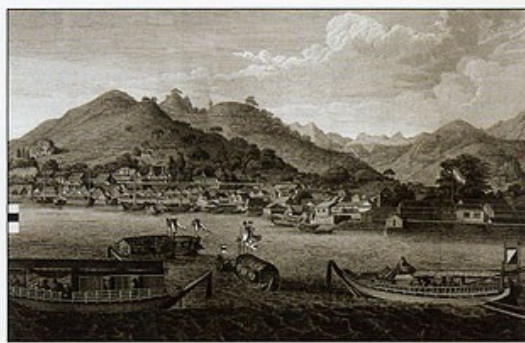
объявить Ратманову царский указ. Отказаться от исполнения такой обязанности Резанов не смог. Именно по этому поводу офицеры пришли к нему в полной форме, а не для того, чтоб принести извинения²⁹.

Вторая версия изложена Крузенштерном в пространном письме президенту Академии наук Н. Н. Новосильцеву из Авачинской губы от 12 июня 1805 года: «<...> Но когда и областной комендант представил ему (Резанову. — Л. С.), что мое требование справедливо, и что я [не] должен быть сменен, тогда переменялась сцена. Он пожелал со мною мириться и идти в Японию»³⁰.

Так или иначе, примирение (насколько искреннее — другой вопрос) состоялось. И то сказать: ведь посланнику требовалось выполнить посольскую миссию, а командиру «Надежды» — завершить кругосветное плавание, и тут друг без друга они обойтись не могли. Получив от Кошелева извещение о конфликте, Александр I запросил подробности происшедшего³¹, но примирение его устроило, и он решил отметить Крузенштерна и Резанова наградами³².

26 сентября 1804 года отправились в Японию. Более десяти месяцев «Надежды» не было в Петропавловске, из них полгода она простояла в Нагасаки. Посольство закончилось полной неудачей — его попросту не приняли. Резанов, отзывавшийся о японцах как о полудикарях³³, задумал им отомстить за свой дипломатический провал. 23 марта 1806 года он направил японскому правительству меморандум, в котором, в частности, говорилось, «чтоб Японская империя далее северной оконечности острова Матмая (Хоккайдо) отнюдь владений своих не простирала, поелику все земли и воды к северу принадлежат моему государю»³⁴.

Подобных полномочий Резанов от императора не получал. В случае неудачи посольской миссии он, согласно данной Александром I

Вид города Нагасаки.

Гравюра по рисунку В. Г. Тилезиуса. 1814 год

КАК ЭТО БЫЛО

М. А. Тиханов. Портрет А. А. Баранова.
Холст, масло. 1819 год

инструкции, мог только попытаться наладить торговлю с айнами на острове Уруп и провести разведку Сахалина³⁵. Резанов же, находясь в удрученном состоянии, по возвращении в Петропавловск 24 мая 1805 года пишет П. И. Кошелеву, что отказ японцев «дорого им стоить будет»³⁶. Еще один удар по самолюбию: осуждение и отстранение Крузенштерна от командования экспедицией так и не состоялось. Наоборот, до Николая Петровича дошли слухи о награждении «бунтовщика» звездой ордена Святой Анны II степени.

Потеряв чувство реальности, 9 и 12 июня 1805 года Резанов пишет письма Румянцеву и государю. В них он снова жалуется на неподчинение ему Крузенштерна. Жалуется и на Кошелева, осуждая порядки, сложившиеся на Камчатке. В своем раздражении Резанов дошел до того, что в весьма неучтливой форме заявил о самовольном оставлении государственной службы. Румянцеву он сообщает: «Навек останусь в Америке. Чины и почести? Они в Америке не нужны, я их при первом транспорте возвращу с удовольствием». Александру: «Я не возвращаюсь, государь, для того, что не хочу подлыми просеками искать у престола твоего защиты и испрашиваю себе единой награды, чтоб деяния мои, ежели они чего-нибудь стоят, обвинены были самим государем»³⁷.

Резанов отправил эти письма, не дождавись официальной почты из столицы — роковая ошибка, так как в почте находился высочайший рескрипт с одобрением деятельности Николая Петровича на Камчатке и его планов дальнейшего изучения Америки. Государь милостиво сообщал: «В знак особенного моего к вам благоволения я препровождаю при сем бриллиантовую табакерку с моим вензелем и сына вашего принял я к себе в пажи»³⁸.

Однако скандальные письма были уже посланы, и их император Резанову не простил: больше ему не писал и всякие отношения с ним прекратил.

По окончании кругосветного плавания в рескрипте о награждении И. Ф. Крузенштерна орденом Святого Владимира III степени от 10 августа 1806 года Александр I словами «с воли нашей было вам вверено главное руководство сей экспедиции»³⁹ полностью подтвердил его правоту и на этом в конфликте поставил точку. Резанов потерпел поражение. Поэтому, полагаю, называть Николая Петровича, как часто делается, начальником первой русской кругосветной экспедиции нет никаких оснований.

14 июня 1805 года Н. П. Резанов покинул Петропавловск и на судне РАК «Святая Мария Магдалина» отправился в Америку. Командовал судном лейтенант А. В. Машин. На борту находились сопровождавший Резанова в качестве врача Г. И. Лангсдорф, лейтенант Н. А. Хвостов и мичман Г. И. Давыдов. Посетив по пути острова Святого Павла (Прибылова), Уналашку (Лисьевская группа островов Алеутского архипелага) и Кадьяк, Резанов 2 июля прибыл в Ново-Архангельск на острове Баранова и фактически вступил в управление колонией.

Прибытие Резанова в Русскую Америку в качестве уполномоченного РАК лишь усугубило там беспорядки и неурядицы. Как администратор он был настолько несостоятелен, что А. А. Баранов приходил в отчаяние⁴⁰. Тем не менее, это дало и определенные положительные результаты. По указаниям Н. П. Резанова в Ново-Архангельске завели корабельное дело и построили судовой верфь, со стапеля которой уже в июле 1806 сошел на воду тендер «Авось», открылось училище для детей промышленников (мальчиков); Резанов распорядился также провести перепись населения Русской Америки.

К осени 1805 года в колониях сложилось тяжелое положение с провиантом, началась цинга. Резанов покупает у американского шкипера Джона де Вульфа корабль «Юнона»

КАК ЭТО БЫЛО

*Главная русская контора на острове Кадьяке (Павловская гавань).
Гравюра по рисунку Г. Лангсдорфа. 1814 год*

*Поселение Российско-Американской компании в Ситке (Ново-Архангельск).
Гравюра по рисунку Г. Лангсдорфа. 1812 год*

КАК ЭТО БЫЛО

Вид Петропавловской гавани с моря. Гравюра по рисунку В. Г. Тилезиуса. 1814 год

(«Юно») и в начале весны «с неопытными и цинготными людьми» отправляется за продовольствием в Калифорнию. «Юнона» под командованием лейтенанта Н. А. Хвостова вышла в плавание 25 февраля 1806 года и через месяц достигла Сан-Франциско.

Дальнейшее подробно изложено Н. П. Резановым в донесении министру коммерции графу Н. П. Румянцеву от 17 июня 1806 года⁴¹. Сначала у Николая Петровича были большие трудности: испанская сторона, оказав камергеру теплый прием, тем не менее, никак не соглашалась продать продовольствие, ссылаясь на строгий запрет на торговлю из Мадрида. Резанов со всеми почестями принимали в доме коменданта крепости Сан-Франциско дона Луиса де Аргуэльо, благоволил к нему и губернатор Верхней Калифорнии дон Хосе Аррильяга, но дело с места не двигалось. Тогда Резанов решил воздействовать на дону Луиса де Аргуэльо через его пятнадцатилетнюю дочь Кончиту:

«Видя положение мое неутрачивающееся, ожидая со дня на день больших неприятностей и на собственных людей своих ни малой надежды не имея, решился я на серьезный тон переменить мои вежливости.

Ежедневно куртизируя гишпанскую красавицу, приметил я предприимчивый характер ее, честолюбие неограниченное, которое при пятнадцатилетнем ее возрасте уже только одной ей из всего семейства делало отчизну ее неприятною. Всегда в шутках отзывалась она о ней: «Прекрасная земля, теплый климат, хлеба и скота много, и больше ничего!» Я представлял ей российский посуровее и при

том во всем изобильный, она готова была жить в нем, и, наконец, нечувствительно поселил я в ней нетерпеливость услышать от меня что-либо посерьезнее до того, что лишь предложил ей руку, то и получил согласие.

Предложение мое сразило воспитанных в фанатизме ее родителей, разность религий и впереди разлука с дочерью были для них громовым ударом. Они прибегли к миссионерам, те не знали как решиться, возили бедную Консепсию в церковь, исповедывали ее, убеждали к отказу, но решимость ее наконец всех успокоила. Святые отцы оставили разрешению Римского Престола, и я, ежели не мог окончить женитьбы моей, то сделал на то кондициональный акт и принудил помолвить нас»⁴².

После этого Резанов смог приобрести столь необходимое продовольствие. В послании к графу Румянцеву он представляет свои действия по «куртизированию гишпанской красавицы» как политический прием. То же видим в его предсмертном письме М. М. Булдакову: «Из калифорнийского донесения моего не сочти, мой друг, меня ветреницей. Любовь моя у вас на Невском, под куском мрамора (имеется в виду покойная супруга. — Л. С.), а здесь — следствие энтузиазма и новая жертва отечеству. Контенсия мила, как ангел, прекрасна, добра сердцем, любит меня; я люблю ее и плачу о том, что нет ей места в сердце моем. Здесь, друг мой, как грешник на духу, каюсь, но ты, как пастырь мой, сохрани тайну»⁴³.

А. А. Истомин, исследовавший текст резановского донесения (с учетом найденных в ар-

КАК ЭТО БЫЛО

хиве черновиков) и цитировавшееся письмо, дал объяснение, почему Николай Петрович не мог рассказать правду о своем отношении к Кончите. В донесении Резанов представил помолвку как «жертву отечеству», поскольку опасался, что за эту историю его обвинят не только в измене служебному долгу, но и в связях с испанцами, то есть в государственной измене. Булдаков же — свояк, близкий родственник; он мог все рассказать теще, Наталье Алексеевне Шелиховой. От Шелиховых же во многом зависело благополучие детей Резанова. Так что считать указанные документы свидетельством отсутствия у Резанова искреннего чувства к Кончуте нельзя⁴⁴.

Любовь, полагаю, была взаимной.

«Юнона» с грузом продовольствия вернулась в Ново-Архангельск 9 июня 1806 года.

Плавание Н. П. Резанова в Сан-Франциско имело большое значение для Российско-Американской компании. Он практически открыл ей путь в Калифорнию. В дальнейшем Калифорния вошла в круг интересов России, и уже в 1812 году на калифорнийской земле под эгидой РАК основывается новая российская колония — поселение Росс, просуществовавшее до 1841 года. Торговые связи РАК с Калифорнией продолжались и после продажи калифорнийских владений, прекратившись лишь в 1867 году, когда Аляску продали Северо-Американским Соединенным Штатам.

Вернувшись из Калифорнии, Резанов приступил к осуществлению своих планов мести в отношении Японии. Еще в феврале

Карта залива Сан-Франциско, сделанная русскими моряками во время пребывания «Юноны» в Сан-Франциско в 1806 году, с автографом Н. П. Резанова

1806 года в письме к императору он обмолвился о желании выдворить с Сахалина японцев и захваченных пленных отправить на Аляску⁴⁵, но ответа из столицы ждать не стал и дальнейшие военные действия против японцев на Сахалине и Курильских островах предпринимал по собственному усмотрению, не имея на то никаких полномочий от правительства.

Как считает Б. Н. Комиссаров, извечная дихотомия человеческого бытия — торговля или война — причудливо трансформировалась в сознании Резанова в некое «естественное», как ему казалось, единство:

Вид президио (военной базы) Сан-Франциско.

Литография В. Адама по рисунку Л. Хориса. Около 1821 года

КАК ЭТО БЫЛО

торговля посредством войны, обмен через насилие. Ведь голодная Русская Америка чрезвычайно нуждалась в торговле с Японией, и Николай Петрович положил добиваться этого военным путем⁴⁶, начав готовить нападение на японские поселения на Сахалине и Курильских островах. В середине лета 1806 года в его распоряжении находились два судна — «Юнона» и только что построенный тендер «Авось». Командование «Юноной» он поручил все тому же лейтенанту Н. А. Хвостову, а тендером «Авось» — лейтенанту (произведен в чин 4 января 1806 года) Г. И. Давыдову. 27 июля 1806 года «Юнона» и «Авось» покинули Ново-Архангельск и взяли курс на Сахалин.

8 августа на борту «Юноны» Резанов дает Хвостову секретную инструкцию: ввиду разной скорости судов Давыдову идти прямо на Сахалин, а Хвостову доставить его, Резанова, в Охотск для дальнейшего следования в Петербург, затем продолжать движение к Сахалину для соединения в заливе Анива с Давыдовым и принять на себя руководство всей экспедицией.

Инструкция предусматривала не только обозрение Сахалина и Курильских островов, но и уничтожение там японских судов и захват продовольственных складов с последующим их сожжением. Предполагалось также пленение «годных в работу и здоровых» японцев с целью доставки их в Ново-Архангельск, а «неспособным» следовало позволить «отправиться на северную оконечность Матмая (Хоккайдо), сказав, чтоб Сахалина, как российского владения, посещать иначе не отваживались, как приезжая для торгового обмена, к которому всегда россияне готовы будут». Коренных сахалинцев (айнов) рекомендовалось обласкать и вести с ними торговый обмен, а истребляя японские суда, «сколько можно, сохранять человечество»⁴⁷.

В Охотске план Резанова поменялся. Съехав на берег и приказав Хвостову быть в готовности к отправлению на Сахалин, он потребовал данную командиру «Юноны» инструкцию для дополнения. Понимая, что поступает противозаконно, Николай Петрович решил себя обезопасить. 24 сентября, когда Хвостов уже собирался сняться с якоря, Резанов прислал на корабль инструкцию с дополнением. Прочитав дополнение, Хвостов поспешил к Резанову за объяснениями, но тот уже отбыл из Охотска. Замешательство Хвостова не сложно объяснить. Дополнение представляло собой самостоятельный документ, не совпадавший с основной инструкци-

ей. Согласно этому документу, Хвостову следовало посетить Сахалин с чисто наблюдательскими целями, а потом вместе с Давыдовым отправиться в Америку⁴⁸. Ни о каких актах агрессии даже не упоминалось, но возвращенная, а значит, и не отмененная инструкция, требовала именно агрессивных действий. Почему же Резанов ее не аннулировал? Из боязни показаться несостоятельным — молодые офицеры, уверенные в его полномочиях, были настроены на выполнение прежних приказаний. Это явилось откровенным проявлением трусости со стороны Резанова⁴⁹, за которую Хвостову и Давыдову пришлось дорого заплатить.

Давыдов впоследствии писал морскому министру П. В. Чичагову: «Никто из нас не знал степени уполномочия его превосходительства (Резанова. — Л. С.) и не имел право о том спрашивать, почему мы отправимся каждый по своему назначению, зная при том, что его превосходительство доносил еще с Уналашки о том его императорскому величеству»⁵⁰.

Хвостов не воспринял полученное дополнение как отмену ранее полученной инструкции, посчитав, что раз Резанов ее вернул, то он обязан провести столь долго и тщательно готовившуюся карательную экспедицию.

Подойдя к заливу Анива в южной части Сахалина и не найдя там Давыдова, он трижды (6–9, 9–10 и 10–16 октября) высаживался со своими людьми на остров. В двух первых случаях Хвостов встретил айнов и вел себя с ними «ласково». Но в третий раз перед ним оказались японцы. Он взял в плен четверых купцов и конфисковал содержимое их продовольственного склада, а сам склад сжег, как и предусматривалось резановской инструкцией.

Давыдова Хвостов встретил в Петропавловске, где корабли стали на зимовку. 2 мая 1807 года «Юнона» и «Авось» покинули Камчатку и вскоре оказались у Курильских островов. На Итурупе они взяли в плен пятерых японцев — троих отпустили, двоих оставили в качестве переводчиков. На Урупе и Кунашире сожгли японские склады, предварительно полностью их очистив, а затем попытались основать на Сахалине русскую колонию. Далее с целью ремонта «Юнона» и «Авось» зашли в Охотск, собираясь оттуда отправиться в Ново-Архангельск. Однако в Охотске, где уже знали о случившемся, местный комендант капитан 2-го ранга Бухарин посадил офицеров под стражу. Их об-

КАК ЭТО БЫЛО

* * *

винили в не согласованных с правительством, по сути пиратских действиях, хотя Хвостов и Давыдов стояли на том, что исполняли приказ. Очевидно, что ответственность за эти действия, надолго лишившие Россию возможности установить дипломатические и торговые отношения с Японией, должен был нести Резанов, но к тому времени он уже умер.

Последствия резановской авантюры и ухудшение из-за этого русско-японских отношений в полной мере ощутил на себе начальник кругосветной экспедиции на шлюпе «Диана» лейтенант Василий Михайлович Головнин, который в 1811 году был захвачен японцами у острова Кунашир и провел в плену более двух лет. Освободили его лишь тогда, когда правительство Японии удостоверилось, что предписанная Резановым акция Хвостова и Давыдова не имела никакого отношения к государственной политике России на Дальнем Востоке. Уже будучи вице-адмиралом, В. М. Головнин, вспоминая Резанова, дал ему весьма ироничную характеристику: «Он был человек скорый, горячий, затейливый писака, говорун, имевший голову, более способную соиздать воздушные замки, чем обдумывать и исполнять основательные предначертания, и вовсе не имевший ни терпения, ни способности достигать великих и отдаленных видов; впоследствии мы увидим, что он наделал компани множество вреда и сам разрушил планы, которые были им же избрены»⁵¹.

Но вернемся к нашему герою. 24 сентября 1806 года Н. П. Резанов выехал из Охотска в Петербург. В мороз со снегом — верхом на лошади. По пути он серьезно простудился и заболел. С трудом его довели до Якутска, где десять дней лечили. Так до конца и не оправившись, Николай Петрович прибыл в Иркутск, откуда 24–26 января 1807 года написал то самое свое последнее письмо М. М. Булдакову. Оно цитировалось выше, но хочется обратить внимание еще на один момент. Думая о награждении Крузенштерна и других офицеров кругосветной экспедиции («Все получили награды...»), Резанов 26 января продолжает письмо со слов: «Не мог я о награде кончить письма моего. Моральные страдания мои еще более растравили мою физику, все эти дни я приметно слабеть начал»⁵². В Иркутске он пробыл недолго, постоянно встречаясь с новым генерал-губернатором Сибири И. Б. Пестелем. Следуя далее в столицу, умер в Красноярске.

Подводя итог, можно сказать, что Николай Петрович Резанов прожил недолгую, но очень сложную, насыщенную, в чем-то даже трагичную жизнь. Она и без литературных прикрас интересна, хотя и не столь романтична. Полагаю, многое бы в ней сложилось иначе, не начни Резанов тяжбу с Крузенштерном, полностью лишившую его душевных сил во время труднейшего плавания. Последующие ошибки Резанова, перечеркнувшие блестящую карьеру, во многом явились следствием объективно проигранного спора с Крузенштерном. Чувствуя это, некоторые авторы впадают в соблазн обвинить Крузенштерна в бедах и проблемах Резанова, которые тот создал себе сам. В основном такие попытки носят эмоциональный характер и не опираются на сколько-нибудь достоверные факты.

В целом надо признать, что масштаб личности и деяний Н. П. Резанова сильно преувеличен и в художественных произведениях, и в работах отдельных исследователей. При этом нельзя отрицать исторического значения такого, например, его поступка, как плавание в Калифорнию за продовольствием в 1806 году.

9 июня 2007 года в Красноярске открыли грандиозный мемориальный комплекс в память о Николае Петровиче Резанове. Бронзовое изваяние Резанова в форме и при шаге установлено на мраморном постаменте. Здесь же гранитный глобус с маршрутом первой русской кругосветной экспедиции и две плиты, символически изображающие корабли «Юнону» и «Авось». Смотришь на памятник и невольно возникает вопрос: а кому он поставлен — действительному камергеру Резанову или мифическому герою рок-оперы?..

Памятник
Н. П. Резанову
в Красноярске

- ¹Общий гербовник дворянских родов Российской империи. Часть IV. СПб., 1799. С. 54–55.
- ²Там же. С. 77–78.
- ³Ермолаев И. Н. Псковский чиновник Николай Резанов и его «Юнона» и «Авось» // Псковская провинция. 2004. Апрель.
- ⁴Там же.
- ⁵Резанов Н. П. Около света. Первое путешествие россиян, описанное Н. Резановым (от Кронштадта до Бразилии) // Отечественные записки. 1822. № 10. С. 204.
- ⁶Петров А. Ю. Образование Российско-Американской компании. М., 2000. С. 110–113.
- ⁷Там же. С. 114.
- ⁸Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера. 1799–1815. Сборник документов. М., 1994. С. 17. Док. 1.
- ⁹Там же. С. 21–22. Док. 3.
- ¹⁰Окунь С. Б. Российско-Американская компания. М.-Л., 1939. С. 26.
- ¹¹Болховитинов Н. Н. Россия открывает Америку. 1732–1799. М., 1991. С. 189–190.
- ¹²Российско-Американская компания... С. 167. Док. 101.
- ¹³Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1802. СПб., 1802. С. 35.
- ¹⁴Окунь С. Б. История СССР. Т. 1 (конец XVIII – начало XIX века). Л., 1974. С. 136.
- ¹⁵Российско-Американская компания... С. 50. Док. 27.
- ¹⁶Там же. С. 52. Док. 29.
- ¹⁷Там же. С. 54–55. Док. 31.
- ¹⁸Левенитерн Е. Е. Вокруг света с Иваном Крузенштерном. Дневник лейтенанта «Надежды» (1803–1806). Самое полное описание первого российского кругосветного путешествия. СПб., 2003. С. 72.
- ¹⁹Российско-Американская компания... С. 75. Док. 41.
- ²⁰Свердлов Л. М. Крузенштерн и Резанов. М., 2006. С. 45.
- ²¹Сгибнев Ал. Резанов и Крузенштерн. Эпизод из первого кругосветного плавания русских // Древняя и новая Россия. Т. 1. № 4. СПб., 1877. С. 389.
- ²²Свердлов Л. М. Указ. соч. С. 45–46.
- ²³Крузенитерн А. В., Федорова О. М., Шафрановская Т. К. ...Перечитывая газеты заново // Левенитерн Е. Е. Указ. соч. С. 497.
- ²⁴Левенитерн Е. Е. Указ. соч. С. 149–150.
- ²⁵Свердлов Л. М. Указ. соч. С. 83.
- ²⁶Военский К. Посольство Резанова в Японию в 1803–1805 гг. на судах первой русской кругосветной экспедиции под начальством Крузенштерна // Морской сборник. 1919. № 4. С. 43.
- ²⁷Комиссаров Б. Н. Г. И. Лангедорф и Русская Америка // Русское открытие Америки. Сборник статей, посвященный 70-летию академика Николая Николаевича Болховитинова. М., 2002. С. 382–383.
- ²⁸Сгибнев Ал. Указ. соч. С. 389.
- ²⁹Свердлов Л. М. Указ. соч. С. 102–103.
- ³⁰Военский К. Указ. соч. С. 54.
- ³¹Болховитинов Н. Н. Генерал П. И. Кошелев и примирение Н. П. Резанова с И. Ф. Крузенштерном. 1804–1805 // Американский ежегодник. 2001. С. 214–219.
- ³²Российско-Американская компания... С. 118. Док. 66.
- ³³Левенитерн Е. Е. Указ. соч. С. 213.
- ³⁴Российско-Американская компания... С. 115. Док. 61.
- ³⁵Там же. С. 74.
- ³⁶Свердлов Л. М. Указ. соч. С. 109.
- ³⁷Там же. С. 110–119.
- ³⁸Российско-Американская компания... С. 118. Док. 66.
- ³⁹Свердлов Л. М. Указ. соч. С. 139–140.
- ⁴⁰Комиссаров Б. Н. Г. И. Лангедорф... С. 384.
- ⁴¹Россия в Калифорнии. Колония Росс и российско-калифорнийские связи. 1803–1850. Т. 1. М., 2005. С. 117–169.
- ⁴²Там же. С. 127–128.
- ⁴³Российско-Американская компания... С. 167. Док. 101.
- ⁴⁴Истомин А. А. Два варианта письма Н. П. Резанова графу Н. П. Румянцеву от 17/29 июня 1806 г. Сравнительно-текстологический анализ и легенда о великой любви // Русское открытие Америки... С. 399.
- ⁴⁵Российско-Американская компания... С. 144. Док. 85.
- ⁴⁶Комиссаров Б. Н. К вопросу о предыстории японского пленения В. М. Головина (Н. П. Резанов, Н. А. Хвостов, Г. И. Давыдов и печальный эпизод в российско-японских отношениях 1806–1807 годов) // Рязанский род дворян Головниных: служение во славу Отечества. Рязань, 2012.
- ⁴⁷Российско-Американская компания... С. 151–154. Док. 91.
- ⁴⁸Там же. С. 157.
- ⁴⁹Комиссаров Б. Н. К вопросу...
- ⁵⁰Российско-Американская компания... С. 168. Док. 102.
- ⁵¹Сочинения и переводы Василия Михайловича Головина. Т. V. СПб., 1864. С. 159.
- ⁵²Российско-Американская компания... С. 166. Док. 101.